

ISSN 2076-3883

ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В е с т н и к

Ассоциации философских факультетов
и отделений

1 (7), 2016

Москва – Санкт-Петербург
2016

ББК 74
Ф 56

Рекомендовано к публикации
Бюро Санкт-Петербургского философского общества

Редакционный совет:

Председатель АФФО	В. В. Миронов (МГУ)
Сопредседатель АФФО	С. И. Дудник (СПбГУ)
Сопредседатель АФФО	В. С. Диев (НГУ)
	А. А. Гусейнов (ИФ РАН)
	В. А. Лекторский (ИФ РАН)
	В. А. Степин (ИФ РАН)
	Г. В. Драч (ЮФУ)
	А. В. Перцев (УрФУ)
	С. С. Аванесов (ТГУ)
	М. Д. Щелкунов (ПФУ)

Редакционная коллегия:

Главный редактор	В. М. Дианова (СПбГУ)
Ответственный редактор	А. А. Кротов (МГУ)
Члены редколлегии:	М. И. Билалов (ДГУ),
	Е. В. Борисов (ТГУ),
	Е. В. Брызгалина (МГУ),
	В. П. Горан (НГУ),
	Н. В. Кузнецов (СПбГУ),
	В. Н. Порус (НИУВШЭ),
	А. Е. Рыбас (СПбГУ),
	А. В. Тихонов (ЮФУ),
	О. Н. Томюк (УрГУ)
Ответственный секретарь	Д. Е. Прокудин (СПбГУ)

Ф 56 **Философское образование:** Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений: Вып. 1 (7), 2016. – М., СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. – 182 с.

ISSN 2076-3883

БК 74

© Ассоциация философских факультетов и отделений, 2016

© Санкт-Петербургское философское общество, 2016

© Авторы статей, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИРОДА ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

<i>Дианова В. М.</i> Постмодернистские концепты как познавательные стратегии	5
--	---

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

<i>Красиков В. И.</i> Современное отечественное философское сообщество: динамика групповых консолидаций	17
---	----

ИЗ ИСТОРИИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Клестов А. А.</i> Францисканцы и становление Парижского университета ...	28
---	----

ЗАДАЧИ И ЦЕЛИ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Колесников А. С.</i> Философия и педагогика: взаимодействие и взаимовлияние	45
--	----

ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: МЕТОДЫ И ОПЫТ

<i>Соловьев В. М.</i> Особенности изучения российской культуры: о контенте для проекта базового курса	59
---	----

<i>Пигров К. С.</i> Размышления о постижении философии будущими историками искусства	73
--	----

О ФИЛОСОФСКОЙ КЛАССИКЕ

<i>Емельянов Б. В., Ионайтис О. Б.</i> Русский философ Александр Галич и его Демидовская премия 1835 г.	91
<i>Буланов В. В.</i> Утопический проект В. С. Соловьева и религиозные основания русской философии	101

КОНГРЕССЫ, КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Рыбас А. Е.</i> Российско-японский философский диалог.....	109
<i>Диев В. С., Головкин Н. В., Петров В. В.</i> Третья миссия университета в современной России	122
<i>Летягин Л. Н., Шипилов А. В.</i> «Этос Реформации» в контексте истории европейской мысли и ценностные константы современности.....	131

ПРАКТИКА

<i>Кукушкина Е. Н.</i> Этнософия как одно из проявлений этнической идентичности (на примере алтайских народов)	137
<i>Осипова Т. А.</i> Образы пограничья в русской культуре: ведовство и чернокнижие	146

РЕЦЕНЗИИ

<i>Рыбас А. Е.</i> Рецензия на учебник: <i>Емельянов Б.В., Ионайтис О.Б.</i> История отечественной философии XI–XX веков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 830 с.	155
---	-----

АННОТАЦИИ.....	163
SUMMARIES	169
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	175
CONTENTS.....	177

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на учебник: Емельянов Б.В., Ионайтис О.Б. История отечественной философии XI–XX веков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 830 с.

А. Е. Рыбас

Историко-философские работы Бориса Владимировича Емельянова и Ольги Борисовны Ионайтис достаточно хорошо известны среди специалистов по истории русской философии. Более того, они всегда учитываются при составлении списков научной литературы по данной тематике, рекомендуются для изучения студентам и аспирантам. Все это свидетельствует о высоком качестве исследований Б. В. Емельянова и О. Б. Ионайтис, важности их позиции при решении тех или иных историко-философских вопросов.

В последнее время Б. В. Емельянов и О. Б. Ионайтис все больше внимания стали уделять написанию учебников и учебных пособий по истории русской философии, и это обстоятельство нельзя не приветствовать. С одной стороны, если судить по количеству вышедших недавно в свет «историй русской философии», их так много, что студенты наверняка не должны были бы испытывать дефицит подобного рода учебной литературы. С другой стороны, однако, при более пристальном взгляде на содержание этих учебных пособий обнаруживается, что далеко не все они соответствуют заявленному статусу и представляют собой, скорее, «авторский», т. е. субъективно-предвзятый, опыт прочтения произвольно избранных текстов русских философов, а значит, не могут удовлетворить потребность студентов в действительном, все-

стороннем изучении исторического развития философской мысли в России. В такой ситуации учебник Б. В. Емельянова и О. Б. Ионанйтис выгодно отличается от многообразных пособий, поскольку попадает в число тех немногочисленных работ, в которых удачно осуществлена попытка объективного изложения истории русской философии.

Анализируя учебники по истории русской философии, изданные в течение последних 20 лет, можно заметить две магистральные тенденции изложения данной учебной дисциплины. Первая характеризуется *идеологизацией* предметности русской философии, что обуславливает соответствующую интерпретацию ее истории. Так, например, русскую философию изначально определяют как философию религиозную, православную, а ее развитие представляют как поступательное раскрытие сокровенной сути «истинного христианства». Неудивительно, что такой взгляд предполагает грубейшую редукцию историко-философского процесса в России, поскольку в канон философов не попадают многие мыслители-атеисты или нехристиане, а оказанное ими влияние на общественное сознание объясняется исключительно незрелостью последнего. Вторая тенденция так или иначе приводит к *суммативизму*, когда, казалось бы, стараются не допустить субъективного истолкования русской философии и учесть все позиции, но в итоге оказываются не в состоянии систематизировать материал и выявить закономерности развития русской философской культуры в целом. Если историки-идеологизаторы русской мысли предельно искажают ее содержание, а историю обязательно излагают с «начала» (такими «началами» объявляются крещение Руси, «просвещение» России подлинной философией, в частности немецкой классикой, появление самобытно-русской философской системы и т. п.) и с «перерывами» (развитие философии в советский период либо вообще отрицается, либо сводится к описанию воззрений лишь нескольких мыслителей), но все-таки предлагают студентам какое-то знание, то историки-суммативисты, претендующие на то, чтобы охватить все, не дают на деле никакого знания, а только запутывают учащихся в хаосе формально каталогизированных сведений.

Авторы рецензируемого учебника сумели избежать как идеологизации, так и суммативизма при изложении истории русской философии. В работе представлены взгляды как религиозных, так и нерелигиозных мыслителей, причем взгляды эти реконструируются и анализируются исходя из их внутренней логики, имма-

нентно, а не становятся объектом трансцендентной критики, когда суждение об идеях, с которыми сам исследователь не согласен, автоматически превращается в их осуждение. Описывая то или иное направление в русской философии, Б. В. Емельянов и О. Б. Ионайтис сначала дают ему общую характеристику, называют основных его адептов и их наиболее значимые работы, что позволяет студентам получить представление о данном направлении в целом, а затем выделяют несколько персоналий и подробно, насколько это допустимо в формате учебника, излагают их философские учения. В результате вообще представление о предмете конкретизируется, и студенты получают достаточно полное и систематизированное знание. Думается, что такое методологическое решение является вполне оправданным и должно способствовать как прочному усвоению учащимися материала курса, так и развитию у них интереса к самостоятельному изучению русской философской культуры.

Критические замечания второго типа – касающиеся не того, *что*, а того, *как* – являются методологическими и должны быть учтены, особенно если рецензируемый учебник будет представлен, как хочется надеяться, для второго издания. Итак, нижеследующие соображения обусловлены прежде всего тем обстоятельством, что «История отечественной философии XI–XX веков» – это *учебное пособие*, а не научная монография. Если прочитать «Историю» глазами студента, то возникнут, как минимум, следующие вопросы.

Уже в предисловии затрагивается очень важная проблема, а именно, как следует точно определить название учебной дисциплины: «русская философия» или «отечественная философия». Понятно, что за этим названием кроется более глубокий вопрос о предметности историко-философского познания, ведь известно, что определение «русская» не только сужает сферу исследования, но и имеет идеологический подтекст, предполагающий скрытое отождествление отечественной философии с русской религиозной философией. Отмечая, что данное учебное пособие соответствует новому образовательному стандарту, авторы сообщают, что они собираются осветить ключевые моменты развития *отечественной философии* за десять веков ее существования. Казалось бы, дальше последует объяснение и определение термина «отечественная философия», в результате чего будут отброшены традиционные идеологические коннотации. Однако, к сожалению, такого объяснения в учебнике нет. Более того, термин «русская» практически

вытесняет термин «отечественная», даже полностью заменяет его, что вызывает большие сомнения относительно заявленной новизны учебной дисциплины. Так, уже первая глава называется «Национальные особенности русской философии», что наводит на мысль о сопряженности национальности «русский» с философией и заставляет предполагать, что в учебном пособии будет излагаться история философской культуры русских. Очевидно, что если бы авторы оставались последовательными и поставили перед собой задачу выявления специфических черт *отечественной* философии, то такой путаницы, тем более в самом начале учебного пособия, не возникло бы.

Не является обоснованным и само стремление определить «внутренние сущностные национальные особенности русской философии». Конечно, нельзя отказать исследователю в праве задаваться подобными вопросами, однако прежде чем делать это, нужно, и тем более в учебном пособии, дать определение русской философии *в целом*. Такого определения в учебнике нет, и, наверное, потому, что авторы хорошо понимают абсурдность подобного предприятия. Действительно, чтобы сформулировать познавательное суждение о существовании русской философии в целом, необходимо занять «позицию Бога», позволяющую созерцать все многообразие исторических проявлений русской философской мысли в вечности, или хотя бы обладать особым «мистическим опытом», дающим возможность во временном увидеть непреходящее. Ознакомившись с текстом учебного пособия, можно сказать, что его авторы не позиционируют себя в качестве «мистиков» с привилегированным доступом к Истине (прием, который *до сих пор* используется некоторыми политизированными историками русской философии). Но тогда почему же они пытаются определить сущностные черты русской философской мысли?

Чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим на содержание первой главы. Сразу же видно, что приведенные в учебном пособии «сущностные национальные особенности русской философии» были сформулированы давным-давно, причем *исключительно* религиозными мыслителями. Было бы понятно, если бы Б. В. Емельянов и О. Б. Ионайтис, знакомя студентов с этими «особенностями», хотели показать специфику культурно-исторической эпохи, обусловившей соответствующую интерпретацию русской философской традиции. Но нет, дело представляется таким образом, будто те характеристики, которые были даны в свое время религиозными философами, относятся к русской филосо-

фии вообще. К тому же, вместо объяснения или доказательства тех или иных определений приводятся обширные цитаты, пафосное содержание которых может только вызвать улыбку у читателя, но никак не способно убедить его (к примеру, тезис о том, что для «нейтрализации рационализма» русские философы всегда обращаются к вере, «которая для русской мысли была и остается наследницей восточного православия», подкрепляется весьма пространной цитатой из «Борьбы за Логос» В. Ф. Эрна; цитата эта занимает почти всю страницу, но комментариев к ней нет, что означает, стало быть, то, что авторы учебного пособия полностью солидарны с данным высказыванием, в том числе и с такими утверждениями, что «нужно быть совершенно слепым, чтобы не видеть, что русская философия... есть непрерывное и все растущее осознание стихии Логоса», что «нужно быть совершенно глухим, чтобы не слышать, что весь длинный ряд оригинальных русских мыслителей... переполняется все более явственными призывами непримиримой борьбы, борьбы во имя животворящего Логоса с бездушными схемами рационализма»). Итак, в определении специфических черт русской философии авторы учебного пособия демонстрируют полную зависимость от высказываний и оценок религиозных философов и историков русской философии, причем столетней давности. Именно этой зависимостью, возможно, и объясняется включение в учебное пособие главы, в которой выясняются особенности русской философско-сектантской мысли и вместе с тем дискредитируется идея написания истории *отечественной философии*.

Вызывает вопросы и структура учебника, отражающая принцип организации учебного материала. Непонятно, в частности, почему глава, посвященная творчеству Н. Ф. Федорова, следует после главы, повествующей о В. С. Соловьеве. К тому же, непропорционально большим кажется внимание, уделенное Н. Ф. Федорову, в то время как многие более значимые для понимания философской ситуации в России мыслители даже не упоминаются. Далее, оглавление учебного пособия не является информативным; более того, оно не позволяет студенту найти нужный материал и даже скрывает его. Например, глава 9 называется «Философские взгляды В. Г. Белинского и А. И. Герцена». Казалось бы, в этой главе должны излагаться философские учения указанных мыслителей, однако на деле здесь можно найти и анализ, причем довольно подробный, воззрений В. Ф. Одоевского, Д. В. Веневитинова, Н. В. Станкевича, Н. П. Огарева, М. В. Петрашевского.

Всего на главу 9 отведено 68 страниц, из них на описание взглядов В. Г. Белинского и А. И. Герцена – только 20. Неудобным является расположение сносок, причем из текста пособия далеко не всегда ясно, какому философу или исследователю принадлежит процитированное высказывание. Было бы лучше, если бы большие главы учебного пособия были разделены на параграфы, а последние – на пункты: это помогло бы студенту быстрее ориентироваться в огромном массиве текста. Процессу усвоения учебного материала непременно способствовало бы и наличие списка литературы, желательно к каждому параграфу, чтобы учащиеся могли при желании расширить свои познания самостоятельно.

Местами «История отечественной философии» напоминает больше научную монографию, нежели учебное пособие. Особенно это характерно для первого раздела, в котором речь идет о древнерусской философии. Уже само выделение двух наиболее значимых сфер допетровского философствования, а именно историософии и антропологии, указывает на то, что авторы придерживаются проблемного подхода к изложению материала. Таким образом, на историю древнерусской мысли они предлагают посмотреть сквозь призму двух структурообразующих метадискурсов, фокусирующих внимание на проблемах человека и истории. Возможно, конечно, что такой прием способен заинтересовать студентов и стимулировать их чтение не только учебного пособия, но и средневековых источников. Однако вряд ли можно рассчитывать на то, что в результате ознакомления с учебником они смогут получить систематические знания, потому что, во-первых, отсутствует хронологически последовательное описание истории идей (следует исходить из того, что студент, приступающий к изучению курса истории отечественной философии, не очень хорошо знает историю Древней Руси и тем более не представляет себе, в какое время жили философствующие книжники, имена которых, быть может, он впервые встречает в тексте, поэтому ему будет очень трудно уловить нить повествования), во-вторых, многие термины, в том числе и ключевые, используются в тексте как заранее известные и содержательно не определяются, хотя студенты наверняка могут встречаться с ними впервые (не приводится никакой дефиниции, например, термина «историософия»); более того, этот термин используется иногда в смысле «философии истории», что в принципе недопустимо), в-третьих, неоправданно большое внимание уделяется диалогу с современными исследователями, занимающимися изучением данной темы, что затрудняет усвоение

и без того довольно хаотически поданного материала (чаще всего цитируется, причем пространно, целыми абзацами, М. Н. Громов, и зачастую не с целью указания на его позицию, которую следует учитывать, хотя она не совпадает с позицией авторов учебного пособия, а для того, чтобы тем самым «доказать» тот или иной тезис; невольно создается впечатление, что весь первый раздел учебника написан «по Громову» и представляет собой краткий конспект его работ с незначительными комментариями).

Можно указать еще на некоторые методологические изъяны, встречающиеся в первом разделе. Прежде всего, отсутствует обсуждение проблемы существования древнерусской философии. Между тем, именно этот вопрос больше всего интересует студентов, которые, как правило, убеждены в том, что «никакой философии в Древней Руси не было». К тому же, такой вывод неоднократно делался и делается профессиональными философами и историками русской философии начиная с позапрошлого века. К сожалению, в учебном пособии тезис о наличии древнерусской философии изначально считается доказанным, и авторы безо всяких оговорок называют философами и книжников, и летописцев, и митрополитов, и монахов, и «монарха» Владимира Мономаха, и даже тех, кто прославился своей нетерпимостью к философии и разумному познанию (например, Феодосий Печерский характеризуется как представитель особого «типа философа», который пользовался популярностью в Древней Руси: в данном случае «философ – это мудрец, отличающийся праведной жизнью, источник его мудрости – вера», и поэтому он отвергает «мирскую мудрость, считая, что она дает лишь ложные знания»).

Необоснованным выглядит и утверждение о существовании трех «творческих методов русских книжников», позволяющих им «построить свою систему философии»: художественного, символического и научного. Так, появление художественного метода, древнейшего и наиболее распространенного в Древней Руси, обусловливающего образно-поэтическое мировосприятие, доказывается «фактом развития русского языка», когда слово отражало не только понятие о вещи, явлении, а являло собой единство понятия и метафоры. Увы, этим доказательство и исчерпывается, конечно, если не считать приведенную дальше «авторитетную» цитату из М. Н. Громова. Символический метод характеризуется как способность видеть в каждом явлении сакральный смысл, а задача средневекового русского философа определяется как необходимость понимания комплекса символов и сведения их в единое

целое. Далее пространно цитируется Кирилл Туровский, который, по мысли авторов учебного пособия, удачно демонстрирует применение символического метода, сопоставляя явления природы и догматы христианской веры. Однако приведенное рассуждение Кирилла Туровского представляет собой, скорее, пример использования «художественного» метода или, точнее, просто указывает на образно-поэтическую манеру его письма: ничего «символического» в описанном выше смысле здесь нет. Что касается научного метода философствования, которым якобы обладали древнерусские книжники, то его содержание вообще никак не раскрывается: читателю сообщают только о том, опять же со ссылкой на М. Н. Громова, что научный метод проявлялся в трудах таких мыслителей, как Кирик Новгородец. Остается только сожалеть о том, что характеристика научного метода и имена тех древнерусских философов, которые им пользовались, кроме Кирика Новгородца, остались за рамками учебного пособия.

Несмотря на высказанные выше критические замечания, учебник Б. В. Емельянова и О. Б. Ионайтис, несомненно, является интересным и полезным для студентов, а также может и должен быть востребован специалистами по истории русской философии.